

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
-ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ.

- 1) Об Интернациональном Анархическом Конгрессе.
- 2) Вооруженная конференция.....
- 3) Коммуна
- 4) Бог и религия
- 5) Кто может быть анархистом
- 6) Анархия
- 7) О нашей тактике
- 8) Из песен кузнеца
- 9) К Истории Махновского движения в России.....
- 10) Свободная трибуна (О синдикализме)
- 11) Корреспонденции
- 12) Мексиканская борьба.....
- 13) Воззвание испанских рабочих ко всем тов. мира.....
- 14) Отчеты и заявления.

ОБ ИНТЕРН. АНАРХИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ.

В скором времени состоится Интернациональный Анархический Конгресс. Война помешала осуществлению Анархического Конгресса осенью 1914-го года, а Амстердамский Конгресс, 1907-го года, успел лишь наметить те вопросы, которые встали перед анархическим движением, как следствие мировой войны и революционной волны, прокатившейся по всей Европе. Анархическое движение, не смотря на свое долготелее существование, не дало до сих пор почти никаких обязательных результатов, и в смысле количества остается во младенчестве. Мы всегда говорили: "качество а не количество"—и мы достигли качества: наше учение стало самым революционным, бескомпромиссным, анархическое движение, дало массу героев, мучеников за идею; из наших рядов часто сверкает молния и поражает то одного, то другого представителя гнета эксплуатации;—но мы упустили из виду количество.

Качество — первая необходимость революционного меньшинства, но для осуществления Анархической революции нам нужно и количество—массы. Будут ли это массы на улице, рабочие на фабриках и заводах или в их рабочих организациях (профессиональные союзы), или крестьянство в деревнях, селах и на поле—вопрос второстепенный, но для воплощения наших идеалов в жизнь, необходимо, чтобы массы понимали их, желали их, по меньшей мере, не были бы их противниками. Когда мы говорим о массовой народной революции — мы думаем, что народ пойдет за нами и с нами, а для того нужно быть с ним —работать в его среде.

Русская революция указала нам, как слаба идейная спайка качественного анархического меньшинства, насколько не знакомы были идеи Анархического Коммунизма рабочим, хотя инстинктивно и слепо они и шли к нему в первые месяцы после Октябрьской революции.

Достаточно было небольшого усилия со стороны крепко спаянной политической партии большевиков, небольшого нажима и... рабочие массы, без резко выраженного сопротивления, пошли по пути государственного социализма.

Крестьянство России (говоря о крестьянстве, приходится провести резкое разграничение между мелкобуржуазными "рантье" Франции, фермерами Америки, которые являются мелкими частными земельными собственниками,—и крестьянством России, у которого сохранились еще следы коммунизма в виде общинного владения землей, общинных складов зерна, общественной работы на сенокосах, рубке леса, починке дорог и т. п.), которому коммунизм близок и родствен, почти не было затронут Анархической пропагандой, и уродливый "коммунизм" Большевиков сделал идею коммунизма временно не популярной. Но мы не должны с этим считаться и на ряду с коммунизмом, который понятен крестьянам, мы должны знакомить их и с идеей анархии—Безвластия, должны бороться против веками крепостничества и царизма впитанного рабского преклонения перед властью, бороться с предрассудком ее необходимости и т. д. . .

Уроки революции не прошли даром: мужики поняли, что даже при примитивном хозяйстве они могут жить без господ, без начальников, без пошлин и налогов, они увидели, что они являются основой жизни страны, ее кормильцами—солью земли, рабочие, стонущие под гнетом принудительного труда, терпящие помыкательства и произвол назначенцев—комиссаров, не забыли своих фабрично—заводских комитетов, и недовольство их "Диктатурой Пролетариата" — велико; всякая диктатура и правительство настолько очевидно вредны обществу, что говорить о их временном или постоянном установлении могут только заблуждающиеся простаки, да ловкие, хитрые политики. Да и не надо забывать, что веяние сво-

боды пронеслось по всем странам, коснулось всех слоев общества—и революционная потенция, возбужденная российской революцией, еще тлеет и вспыхивает то там, то сям.

Почва, восприимчивая почва ждет только сеятеля, чтобы взрастить свободное будущее; революционная искра ждет сильных мехов, чтобы разгореться в пламя пожара Мировой революции, которая, спалив все общественное зло и искусственное подразделение человека по нациям, государствам и т. п., сплотит все население земного шара в одну великую трудовую семью—Мировую Анархическую Коммуну.

Пусть же подберет сеятель свои семена,

пусть просеет он их от плевел—и тогда смелой рукой бросает их в спяхательную почву.

Перед Интернациональным Анархическим Конгрессом стоит ответственная и глубоко-важная задача: объединить имеющиеся Анархические элементы всего мира; выработать более определенные—планы нашей организации, методы пропаганды и пути подхождения к массам; выработать общую, совместную тактику борьбы с Капиталом и Властью; —и тогда, сильные знанием, единством и верой в идеал Анархии, мы возстановим Свободное Общество на земле.

ВООРУЖЕННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

Дипломатические факеры всего света государственные светила в полном блеске и уже потускневшие, собрались в Вашингтоне решать судьбы мира.

Вопрос о разоружении был поднят первым, да так и остался висеть в воздухе, не доверяют старые хищники один другому и, вооруженные с ног до головы, они готовы... пожертвовать устаревшими судами, морскими чудовищами войны, которые не пригодны и бесполезны в новейшей войне, и которые все равно пришлось бы выбросить из строя; но они ревниво следят один за другим и никаким образом не могут сойтись, ибо война—продолжение их могущества, их власти, продолжение эксплуатации, отсрочка их неминуемой гибели—Социальной Революции.

Все их выкрики о разоружении, вся комедия торжественных встреч сановных гостей, —были обычным туманом, за которым скрывается действительная цель. Вся процедура их совещаний ясно указывает желание найти выход из тупика, в который их поставило неимоверное развитие капитализма, при котором, волей-неволей, миллионы рабов по найму мрут с голода, а капиталисты не в состоянии продолжать производство, не имея возможности

сбыть свои товары обедневшему пролетариату, Им нужны рынки... рынки... и рынки... Война 1914—1918 не оправдала их надежд, не нашла им рынков,—ибо производство побежденных центральных держав было быстро возстановлено, и контрибуции с них в виде товаров еще более подрывают производство в странах союзников. Африканцы же, египтяне и аравитяне являются слишком скромными покупателями, необходимо, или неизбежно помирать, или же найти место сбыта—найти потребителя. Возстановить покупательную способность своих рабочих—значит убить систему эксплуатации—капитализм, покончит самоубийством, а потому, в видах самосохранения, потребителя надо искать где-либо вне.

Таковой, по мнению дипломатов, является Азия—колыбель человечества — откуда оно расплодилось во все части света. Китай, с его 400 — миллионным населением, с его отсталой промышленностью—представляется им якорем спасения; и за кулисами пустой болтовни о разоружении идет ожесточенная борьба между представителями капитализма разных стран о том, кому нужно, или кто сильнее, захватить лучшую и сильнее часть его. Восточная Сибирь также не осталась без внимания и Соед.

Штаты стараются выжить оттуда свою ближайшую соперницу—Японию, для чего заручились даже помощью "бывших людей" — Миллюкова и Авксентьева, которые от имени призрачного прошлого настаивают на эвакуации Сибири Японией.

Нет, не будет мира на земле, не прекратится угнетение слабых народностей и человечества в общем, не снимется ярмо человеческого рабства с поникшей, могучей шеи рабочего, пока не осознаются причины страда-

ний, и прозревший труженик, подняв свою мощную руку, в революционном порыве, не убьет грабителей - палачей и их учреждений—и на место страданий не восстановит естественное, ничем не ограниченное право каждого человека на Свободу, Счастье и Довольство.

Проповедуя братство людей и солидарность рабочих всего мира, мы являемся самыми последовательными антимилитаристами; и Анархизм означает конец братоубийственным войнам.

— 0 —

Коммуна.

(Из темных песен Луизы Мишель).

Когда народ, угрюмый, молчаливый,
Вдруг забушует вновь, как грозный океан—
Родится жизнь Коммун в борьбе вольнолюбивой—
И победит врагов он, мститель и Титан.

* * *

Мы все придем тогда бесчисленную ратью:
Со всех дорог, полей вновь соберемся мы,

— 0 —

Из тьмы могил своих восстанут наши братья,
И битве гимн споют долины и холмы.

* * *

Знамена черные кровавыми цветами
Смерть молчаливая в той битве обновит;
Земля покроется цветущими садами
И жизнь свободную тогда благословит.

Р. ЭРМАНД.

БОГ И РЕЛИГИЯ.

Евгений.

(Из № 2 "Уральский Набат")

Очень часто приходится слышать споры между верующими в бога и неверующими в него.

Одни говорят, что бог создал человека по образу и подобию своему, и потому человек является слепым орудием в руках великого, всемогущего бога, который карает и милует человека за его поступки.

Другие же говорят, что человек создал себе бога по своему подобию, а потому бог находится в руках человека, который может с ним делать, что ему угодно. Человек может ме-

нять форму и образ бога по своему желанию. Его можно вылепить из глины, вырубить из дерева, вылить из меди или железа и т. д.

Для того чтобы разобраться, кто из них прав, чтобы понять нам связь между богом и религией, нам необходимо возвратиться к началу истории человечества. История свидетельствует, что много веков тому назад люди жили в диком состоянии, не понимая ни назначения человека на земле, ни всех происходящих вокруг его явлений. Первобытный человек не имел никакого понятия ни о боге, ни о рели-

гии, да и не имел в этом никакой надобности.

Живя среди необъятной природы, первобытные дикари верили только в свою физическую силу, добывая себе одежду и пищу, и делили их между собой, нисколько не думая о смысле жизни.

И только позже они заинтересовались явлениями природы. Начали доискиваться причин: почему солнце светит только днем, почему светлый день превращается в темную ночь, почему бывают ветры, дожди, туманы и т. д. И не находя ответа на эти вопросы, человек почувствовал страх перед таинственными причинами явлений природы и начал поклоняться солнцу, ветру, луне и т. д., как каким-то неведомым силам, существующим где-то далеко от человека и недоступным человеческому пониманию. Мало-по-малу люди обожествили эти могучие таинственные силы и в течение веков создали себе бога по своему образу и подобию.

Долгое время дикари простодушно верили в созданных ими богов, меняя их при каждом удобном случае. Но среди них нашлись хитрые и ловкие люди, которые назвав себя "вождями", знатоками и доверенными бога, старались укрепить в населении страх и преклонение перед неведомым богом, которого ни кто нигде не видел. И пользуясь внушенным народу ужасом перед таинственным грозным богом, выдавая себя за жрецов и представителей его на земле, начали грабить народ, обирая его во славу божью.

Итак мы видим, что бог создан людьми и сами люди решили его считать вечным, всемогущим, повелителем вселенной. И никому в голову не пришла мысль, где был и что делал этот бог до сотворения мира. Не создан ли этот бог каким-либо другим более всемогущим богом. И если допустить мысль, что может быть что-нибудь вечным, то гораздо проще предположить, что вечно существовала именно вселенная, которую мы видим и которая постоянно, в течение многих миллионов веков, меняла и меняет свою форму. Зачем создавать и выдумывать что-либо, в существовании чего

мы не можем никак убедиться, когда наука, успехи которой развиваются с каждым днем, уже и теперь может в достаточной степени удовлетворительно объяснить происхождение мира и все таинственные явления.

Наука показывает, что бог выдуман людьми, что в действительности бога нет. А если так, то бессмысленна и религия, неосновательна вера в бога, не нужны все религиозные обряды и моления. Она изобретена жрецами, вождями, священниками, для порабощения трудящихся, для удержания их в покорности сильному миру сего, властям и богачам. Всякая религия — христианская, магометанская, иудейская, языческая, — все они являются источником рабства трудящихся. Религия это крепкая преграда, стоящая на пути к освобождению человечества, преграда, поддерживаемая страхом и невежеством населения.

Религия заставляет верить в бога, полного противоречий. Если бог всемогущ и добр, то почему же он создает таких слабых людей, которые грешат, поступают плохо, подпадая под власть дьявола? Если бог всемогущ, то почему он не сокрушит могущество сатаны? Если бог любвеобилен и добр, то почему он допускает существование бед и несчастий, от которых наша жизнь на земле превращается в ад? И если он всезнающий, то зачем ему, в день страшного суда, требовать ответа от людей, когда он и так знает все их преступления. Здравомыслящий человек не может согласиться с таким нелепым богом и не может поверить всем небылицам, рассказываемым в священных писаниях.

Первобытные люди приносили своих детей в жертву богу. Библия говорит, что бог любит кровь. Иерусалимский храм должен был быть окропленным голубиной кровью перед молением. Во славу божью в средние века одни христиане мучили других, жгли их на кострах, рубили головы, варили в горячей смоле. Еще недавно у нас православная церковь, под вергалом всяким преследованиям не православных христиан. Неужели же бог так кровожаден? Неужели же он может быть одновременно

таким варваром и вселюбящим? Можно ли допустить существование такого бога?

Дикари создали себе бога по своему невежеству, благодаря их жизни, где на каждом шагу их подстерегала опасность. И теперь еще в тех странах, где часто происходят грозные явления природы (землетрясения, извержения вулканов и прочее), или стихийные бедствия (неурожай, голод, повальные болезни), люди сохраняют еще веру в бога и подчиняются требованиям религии. А этим пользуются священники, взимая с них всяческие по-

боры и запугивая их еще больше, стараясь потушить их недовольство существующим строем рабства и гнета.

По мере развития науки, бог и религия исчезают. И чем скорее падет вера в бога и религиозность, тем ближе человечество к своему освобождению.

Настало время служить не богу, выдуманному нашими угнетателями, а великой Истине, возвещающей наступление царства справедливости, Свободы, Равенства и Братства.

КТО МОЖЕТ БЫТЬ АНАРХИСТОМ?

Автомов.

Этот вопрос, как и вообще учение анархизма, врагами последнего, особенно врагами считающими себя революционерами, очень часто злоупотребляется. Под предлогом того, что анархизм не придает особого значения никаким формальным постановлениям, "программные революционеры", самым старательным образом, рисуют анархизм на подобие здания с широко распахнутыми дверьми, в которое, без всякого билета, может заворачивать встречный и поперечный: поп, буржуа, чиновник и им подобные—все, по утверждению "программных революционеров", могут быть анархистами. Несмотря на всю нелепость этого утверждения следует согласиться, что, действительно, анархистом может быть каждый человек. Именно, каждый человек: иначе анархизм не мог бы признать человека за человека: не мог бы сорвать с него всякого рода "тикеток...". Если же анархизм это сделал, если он смотрит на человека не по наклеенному на него ярлыку, а по его сущности,—тогда, почему один человек может быть лучше другого; почему один может быть анархистом, а другой нет? Почему анархизм, бросив вызов несправедливости и неравенству, сам должен допускать несправедливость и неравенство? Почему?..

На первых порах, все это, с классовой точки зрения, может показаться чем то странным, чем то подозрительным. Чтобы раб и господин, были одно и то же,—это уже если не явное заблуждение, то ложь! Действительно, слово "раб" и слово "господин", со стороны их положения—две разновидности, ни в коем случае не подводящиеся ни к какому знаменателю; но со стороны их сущности, у них нет ничего отличительного. В этом случае, лучше всего обратиться ко всемирно признанной науке, медицине (конечно не к шарлатанской медицине), и прислушаться, каково мнение медицины по этому вопросу. Допустим, что одновременно заболели, одной и той же болезнью, буржуа и рабочий,—признает ли медицина, в таком случае, что для выздоровления их обоих нужны одни и те же средства, или для буржуа одни, а для рабочего другие? Без малейшего понятия в медицине, можно смело предположить, что эта наука будет первого мнения, ибо несомненно глупо думать, что для выздоровления рабочего, скажем, от туберкулезных бацилл, нужны солнечные лучи и чистый воздух, а для выздоровления буржуа от тех же бацилл, воздух сырого и темного подвала. Хотя в действительности, в обратном по-

рядке так оно и есть; но это не значит, что так должно быть. Из того, что буржуа живет в роскошном дворце, а рабочий в сыром подвале,—не следует заключать, что здоровью буржуа, более всего соответствует дворец, а здоровью рабочего—подвал. Нельзя утверждать, что то, что вредно для одного—полезно для другого; а наоборот, то, что вредно одному—вредно другому, т. е. с физической точки зрения, буржуа и рабочий — одно и то же.

Подобно медицине, не видящей отличительности в строении организма людей,—анархизм не видит значительной разницы и в их духовной области. Как телесно все люди созданы из одного и того же вещества, при одних и тех же обстоятельствах, одним и тем же порядком; так и духовно они—одна и та же сущность. С этой точки зрения не может быть ни попа, ни буржуа, ни рабочего: с точки зрения анархизма все—люди. Да, да, все—люди! Ведь поп, буржуа, рабочий, не появились одновременно, откуда то такими, какими он есть, т. е. в полной самостоятельности; и не заняли, на основании своих личных желаний, тех положений, в каковых они находятся; а что еще важнее—не создали этих положений: Положения эти были им уготованы заранее. Во многих случаях, они еще находились в пеленках, или в утробе матерей, а им уже предписано место в обществе. Ведь положение, в наше время, это—что то наследственное. Богатство и бедность одинаково передаются по наследству. Следовательно, неразумно винить попа исключительно за то, что он поп, или буржуа за то, что он буржуа, равно, как не разумно винить рабочего, что он—рабочий. Все три поставлены были в эти резко противоречащие одно другому положения (по крайней мере положение рабочего с остальными двумя) многими роковыми причинами, быть может, совершенно помимо их личных желаний. — (Здесь может быть возражение, что некоторые современные эксплуататоры вышли из низших слоев общества, т. е. в достижении занимаемого ими положения, главную роль играли их личные желания. Такое возражение вполне справедливо; и оно не говорит в поль-

зу психологии рабочего класса. Ведь эксплуататор вышел из среды рабочих!)

Личные желания, как известно, появляются лишь в зрелом возрасте, т. е. тогда, когда ум человека освобождается от всяких опеки; до того же времени, желания складываются под давлением внешних влияний. Но даже и тогда, когда человек начинает мыслить самостоятельно, когда его ум, без посторонней помощи, может прекрасно отличать добро от зла—даже и тогда, в большинстве случаев, человек—продолжение пройденного, т. е. продолжение внешних влияний. Каковы эти понятия: добры или худы—человеку, обыкновенно, трудно дать отчет. Трудно главным образом потому, что он видит лишь одну сторону своих понятий—сторону показанную внешними.

Несомненно, есть эксплуататоры, прекрасно понимающие, что они творят несправедливость и зло; но есть и такие, которые, особенно в начале своей карьеры, думают что всеми своими поступками они делают только добро; подобно некоторым рабочим тоже думающим, что они своим усердием перед эксплуататором делают добро. И не удивительно: с самого раннего детства тех и других учили, что это есть добро, что они так должны делать, что они к этому призваны, если не богом, то общественным долгом. Их крохотные, но пытливые умы не могли должным образом оценивать прививаемого им внушения; они впитывали все то, что им преподносили; они портились; они становились на ложный путь: один делался жестоким эксплуататором, другой—покорным рабом.

Но стать на ложный путь не значит навсегда там остаться: на жизненном пути встречается не мало причин, способных открыть глаза, даже самому ложно воспитанному человеку. У человека, экономически необеспеченного, соприкасающегося с нуждой на каждом шагу, этих причин—очень много; поэтому такой человек скорее всего приходит к истине. У человека же, экономически обеспеченного, особенно, у человека с сильно развитыми плотскими инстинктами, таких причин мало; вся жизнь такого человека—один вихрь буйных

страстей в пылу которых некогда думать о себе; такой человек чем дальше живет, тем больше погружается в порок и ложь. Ему трудно бросить истину, но трудное тоже иногда может быть возможным. Может случиться, что и у экономически обеспеченного человека, под влиянием какой-нибудь причины, постепенно или вдруг, исцелится испорченное сердце, пробудится чистая совесть; человек начнет видеть весь ужас содеянных им дел; ему станет больно и стыдно; он захочет раскаяться, выплакаться,—и творить впредь добро.

Почему же анархизм, в таком случае, должен закрывать двери пред таким человеком? Единственной веской аргументацией, в этом деле, может быть то, что этот человек успел уже натворить не мало вредных дел, что его прошлое—ужасно. Действительно, подобная аргументация более всего подходит к логике; но если допустить ее как целое—тогда многие рабочие тоже не могут быть анархистами: так как, несомненно, что некоторые рабочие прежде достижения своей классовой сознательности, успевают натворить тоже не мало плохих дел. Да и не только буржуа или рабочий, но и каждый человек. Любой индивидуум нашего времени может быть примером того, что человеку современного строя, прежде достижения истины, предстоит проити область зла. Современный строй так устроен, что само появление человека к жизни связано с предрассудками, собственно говоря, человек рождается в атмосфере предрассудков; даже, если в будущем он достигнет самой высшей истины,—свой путь туда, он совершает из атмосферы предрассудков, из чего видно, что прошлое каждого современного человека скверно. Стало быть, если основываться на прошлом,—ни один человек, имевший несчастье родиться в несправедливом строе (справедливого строя ведь еще нет), не может быть анархистом: иными словами говоря, не может быть анархизма, ибо анархизм без людей не мыслим.

Вот до какой нелепости можно дойти, допустив подобное суждение!

Следовательно, анархизм ни в коем случае, не может согласиться с этой моралью;

анархизм не может жертвовать настоящим ради прошлого, тем более, если это прошлое—чужое, если оно ничем не связано с анархизмом,—до такого прошлого анархизм совершенно не имеет никакого дела. Если даже и полезно учитывать уроки прошлого, то это может относиться лишь к собственному прошлому. Таким образом, кладя под сукно всякое прошлое, анархизм всецело опирается на одно лишь настоящее, а стало быть, и судит обо всем с точки зрения настоящего. Приняв настоящее, как единственное определение, у анархизма отпадает всякая надобность заниматься прошлым. Заниматься прошлым может быть целесообразным лишь в области вещей, развивающихся путем строго определенных и неизменяемых законов; эволюция же человеческой психологии не имеет не только строго определенных, но никаких законов. Быть может в природе и существуют подобные законы, быть может общественная психология, действительно, подвергается влиянию извне; но все это в большинстве случаев недостаточно человеческому пониманию. А все то, что недоступно пониманию, не может быть ни чем не измеряемо, ни определяемо. Взять, например, любого человека, и исследовать его прошлое и настоящее: разве можно установить направление его нравственности; разве можно сказать, что будет думать, как будет настроен этот человек через год, через месяц, через день, через час?.. Повидимому нет! Ход развития нравственности человека, не может быть установлен не только посторонними людьми, но даже тем самым человеком, нравственность которого исследуется. Нравственность—это что то сверхестественное (если можно так выразиться), не зависящее ни от каких сил, ни от воли человека. Но может быть, нет никакого развития, никакого изменения нравственности; может быть нравственность всегда—одна и та же?

Если это было так, тогда каждый человек должен был бы делать всегда одно и то же: человек, делающий зло, должен был бы делать только зло, и совершенно не был бы знаком с добром; человек, делающий добро, должен был бы делать только добро, и совершенно не

был бы знаком со злом; а отсюда вытекает, что рабы навсегда остались бы рабами, а господа — господами. Значит, этого не может быть; значит, нравственность человека не может быть всегда одной и той же; значит, она подвергается известной эволюции.

Сомнений в этом быть не может, это всякому ясно, как божий день; но при всей ясности, при всей несомненности—нет ни малейшей возможности определить самый ход нравственного развития. Всякому известно, что нравственность, развивается (правильнее было бы сказать—изменяется); но как она развивается, куда движется—никому неизвестно. Неизвестно главным образом потому, что ход развития нравственности, не может представлять из себя одну сплошную неразрывную линию: ежечасно, ежеминутно ход нравственности обрывается, и часто на местах обрывов образуются непроходимые пропасти, непримиримые взаимноисключения. Человек на протяжении хода нравственной эволюции может то подниматься очень высоко, то падать низко, то уклоняться вправо, то влево. Словом, весь путь нравственной эволюции состоит из обломков, и эти обломки, в свою очередь, не расположены соответственно друг другу, скажем, от худшего к лучшему или наоборот, а лежат, как попало: в массе хороших могут находиться плохие, в массе плохих—хорошие. Поэтому то, на основании прошлого, никоим образом нельзя установить настоящего, тем паче—будущего.

... Только настоящее определяет настоящее; о будущем же могут говорить одни лишь пророки.

Конечно, можно почти с полной уверенностью сказать, что нынешний Рокфеллер, не станет в будущем революционером; но это будет ни в коем случае не полная уверенность: черт его (Рокфеллера) знает, кем он станет в будущем; а вот его настоящее очень легко определить, совершенно нет надобности исследовать прошлое, чтобы сказать, что Рокфеллер—жестокый эксплуататор. Быть может (предположим), в его прошлом имеется много и даже очень много хороших дел; но сколько бы

он этих дел в прошлом ни имел, от этого его настоящее нисколько ни изменится: его жестокость не может ни на йоту уменьшиться; он остается эксплуататором и вредным членом общества независимо от того, имеет ли он добрые дела в прошлом или нет. Прошлое в отношении настоящего — ничто!

Итак, человека можно определить лишь на основании настоящего. Спрашивать человека: "кем ты был"—это дело судебного следователя, любопытной информации, или вообще—праздноболтающих лиц, но не анархизма. Анархизм судебными делами или любопытством не занимается, местом празднословия тоже не служит, анархизм—дело; а потому, всякие средства использует с наибольшей целесообразностью. Анархизм, не только не ставит человеку вопроса: "кем ты был"—но он даже не спрашивает его: "кто ты есть?" Не спрашивает потому, что подобный вопрос присущ одним только глупым и слепым. Только глупые и слепые не знают и не видят того, к чему они обращаются. Анархизм же хорошо видит и прекрасно знает, что человек дошедший до анархизма, есть человек.

Кроме человека, дойти до анархизма никто не может: ни поп, ни дьяк, ни князь, ни кто либо другой с титулами и регалиями современного строя, не может приблизиться к анархизму. Анархизм слишком ярок, слишком чист и лучист в сравнении с нынешним строем, а для того, чтобы приблизиться—тем паче—слиться с чистым,—нужно быть самому чистым: самая малейшая нечистота, заметна при свете. Поэтому, всякий, кто только приблизился к анархизму и готов слиться с ним,—в сущности уже есть отражение анархизма; и спрашивать его: кто ты? откуда ты? зачем ты?—равносильно уподоблению легендарному шутнику спрашивавшему везшего сено мужика: "что ты везешь?" Например, если в мастерскую портного вошел человек, то портной уж наверное знает, что зашел этот человек не так себе, не заблудившись, а руководимый потребностью, и что эта потребность заключается не в починке часов, не в стрижке волос или уда-

лении большого зуба, а имеет какие либо отношения к костюму. Иначе быть не может: во всех своих поступках, во всех своих делах человек руководствуется потребностью; раньше ощущения на то потребности человек не приступает к делу. Кроме того, всякую возникающую потребность, прежде приступа к ее выполнению, человек исследует, обдумывает—целесообразна ли она, отвечает ли она его желаниям; и, если он находит ее целесообразной, он ее выполняет, если нет—нет. Следовательно, человек принявшийся выполнять возникшую в нем потребность, т. е. дошедший до анархизма, уже нашел эту потребность целесообразной: нашел, что анархизм вполне отвечает его желаниям. А раз он все это нашел—от него больше ничего не нужно: он уже знает, что такое анархизм; он уже знает, что для того, чтобы стать анархистом—прежде всего и раньше всего, нужно стать человеком; он уже знает, что не став человеком, нельзя быть анархистом.

Что же значит, стать человеком? Единственно, что необходимо для того, чтобы стать человеком, это—не прекословить законам природы (если их можно называть законами). Одним из основных законов природы, является—желание жизни. В природе нет ничего, чему бы был чужд и не приложен этот закон. Все, что только родилось, что только появилось к жизни—все желает жить. Как бы эта жизнь была ни скверна, как бы ни мучительна,—ничто не желает ее уничтожения, ничто не говорит: "пожил —и довольно," а напротив—все, сколько ни живет—все желает продолжения и улучшения жизни. Но для того, чтобы жить, одного желания жизни—не достаточно. Было бы, быть может, очень хорошо, вперив глаза в небо желать жизни, петь ей дифирамбы, если бы таким образом можно было жить; но ведь так нельзя. Нельзя жить одним желанием жизни, одной любовью к ней. Для того, чтобы жить, необходимо поддерживать жизнь, необходимо сыскивать все то, что необходимо для жизни. Потребностей в жизни—много; но самая главная—пища. Можно

жить без чего угодно, но без пищи—нельзя. Следовательно, для того, чтобы жить—необходима пища, а для того, чтобы была пища—необходимо ее снискивать. Отказываться или не уметь снискивать пищи—значит, не жить.

И действительно, в природе так устроено, что все умеет и ничто не отказывается искать себе пропитание. Ципленок только что вылупившийся из яйца, только что получивший возможность семенить ножками,—уже устремляет свой пытливый глазик—не ползет ли где червячек, не летит ли комарик. И так все. Все, что только в природе существует—снискивает себе пропитание. только человек—это высшее, разумное, мыслящее (а стало быть более других способное снискивать себе пропитание), существо—отказался от этого правила. Человек (конечно не каждый) отказался снискивать себе пропитание, но в то же время он не отказался от желания жизни, и для того, чтобы его жизнь могла продолжаться—он заставил работать на себя других.

И вот, с тех пор, как это высшее, разумное, мыслящее существо—человек, отказался снискивать себе пропитание; с тех пор, как он переступил закон природы,—с тех пор он—ничто иное, как преступник природы: с тех пор он уже не человек. Для того, чтобы быть человеком, ему раньше всего, нужно смыть свою преступность. Смыть же преступность можно лишь одним способом—согласиться с тем, из чего, на основании противоречий, вытекает преступность. Противоречия рождающие преступность человека пред природой, заключаются в отказе от выполнения своих природных обязанностей. Следовательно, для того, чтобы эти противоречия устранить, чтобы их сгладить—ему нужно, всего только, согласиться с выполнением природных обязанностей, т. е. снискивать своим трудом себе пропитание. До тех пор, пока он этого не сделает; до тех пор пока он будет жить трудом чужих рук,—до тех пор он будет оставаться и преступником природы и не может быть человеком, а следовательно, не может быть и анархистом. Но коль скоро он это сделает; коль скоро примет—

ся поддерживать свое существование личным трудом,—от него отпадает всякая преступность; ему прощаются все "грехи," и закрывать ему, в таком случае, доступ к анархизму—все равно, что мешать человеку выбраться из ямы, в которую он случайно упал.

Цель и задача анархизма, не вталкивать людей в яму предрассудков, а стараться вынуть их оттуда; подать руку скорой помощи, при первом их желании; приютить, укрепить и согреть верой правды, в первые минуты их пробуждения. Несмотря на то, что анархизм

—течение революционное, не верящее в возможность перехода мирным путем от рабства к свободе, однако же его зов,—зов благоразумия, как гулками ударами набата, несется по всему миру, будя и зовя к истине повязшие в пороке сердца. Как солнце льет свои ласковые лучи во все стороны, так и зов анархизма несется во все стороны, и, если на этот зов из глуши царящих предрассудков откликается эхо,—анархизм от души радуется и охотно идет на встречу принимает в свою среду откликнувшегося, кто бы он ни был.

— 0 —

АНАРХИЯ.

(Из Манкая).

Отвергнута и проклята ты всеми,
Никем не понята в кошмаре наших дней.
И все кричит: "Ты—хаос и пред теми,
Кто в жизни был врагом и рабства, и цепей".
Но пусть кричат. Они все не желают
Святую Истину за словом отыскать.
И долго, может быть, они и не узнают,
Слепцы, безумцы, что значит прозревать.
Ты для меня давно—божественное слово,

Ты в жизни цель моя, мой вечный идеал;
Тебе—Грядущее. К тому придешь ты снова,
Кто в целой вечности тебя лишь ожидал.
Взойдешь ли солнцем, ты,—я этого не знаю—
Из мрака молнией сверкнешь ли грозовой?
Я—Анархист. Зачем?—Я не желаю
Ни власти для себя, ни власти над собой.

Р. ЭРМАНД.

— 0 —

О НАШЕЙ ТАКТИКЕ БОРЬБЫ.

Молдован.

В № 18 "Волна," тов Вид в своей статье "Наша тактика", высказал довольно ясную и определенную мысль, так что до сказанного не приходится почти ничего добавлять, ибо каждому прочитавшему статью тов. Вида, уже становится ясно и понятно то, в чем приходилось раньше многим сомневаться.

Итак, тактика наша вполне соответствует нашему идеалу и основана на твердой реалистической почве; нет никакой надобности перерабатывать ее, а утверждение некоторых тов. о том, что наша тактика "устарела" и ее нужно пересмотреть, переработать, обновить

и т. п.,—ничто иное, как свое собственное недомыслие. Говоря о таком важном вопросе, мы всегда должны основываться на исторических фактах; у товарищей же "глаголющих" о изменении, мы их не видим.

Мы только что говорили, что наша тактика вполне определена, ятна и строго обдуманно выработана. Но все ли анархисты поняли, понимают и признают, вернее соглашались свои действия с тактикой, хотя бы так, как ее сформулировал тов. Вид? Нет, не все; подавляющее большинство анархистов не имеют ясного представления о тактике, да и не хотят

его иметь, вся тактика у них заключается в "Социальной Революции." К сожалению и тов. Вид подчеркнул это, хотя вся его статья наводит на совершенно иную мысль—мысль более глубокую заставляя читателя позадуматься, вообще, над средствами и приемами борьбы. Невольно приходится для более ясной характеристики пониманию нашей тактики некоторыми товарищами позаимствовать несколько фраз у наших теоретиков анархизма, как например: Ж. Грав, П. Кропоткин и другие (противники наши, т. е. буржуазия и социалисты государственники всех оттенков, говорят: у вас какая то безпринципность, необоснованность, непоследовательность, вообще хаос и неразбериха).

"...Некоторые анархисты воображают, что поступают очень последовательно, доводя свои рассуждения до абсурда и вырабатывая в себе целый ряд понятий, решительно не имеющих ничего общего с анархическими идеями."—"Что мне за дело до принципов! — кричат они, — раз дело идет о революции—все средства хороши, и нам нечего останавливаться совершенно не к стати — из-за каких-то принципов" (Ж. Грав, Умир. Общ. и Анархия стр. 120).

Присмотримся, сколько таких "анархистов" в наших рядах и вне наших рядов, сколько безпринципников которым кажется, что они делают бог весть какую пользу для анархического движения. Свою непоследовательность некоторые из анархистов доказали нам своей деятельностью в российской революции, всецело присоединившись к большевикам: Новомирский, Шатов и целый перечень других, а Перкус, например, признал какую-то новую "диктатуру", хотя мы, анархисты, не видим разницы в диктатурах. Вот где сомнительная логика, непоследовательность ума!

В пропаганде анархических идей, анархисты как будто представляют одно целое, сильное партийное движение, но в применении, вернее в воплощении своих идей в жизнь, анархисты оказываются разрозненными, разбитыми на несколько фракций. Вот тут то и

зарыт корень зла!

В российской революции отдельные анархисты и их группы, разрушая старые учреждения царизма и капитализма, борясь с контр-революционерами всех мастей, очень многое сделали для углубления революции, но организованного, как целое, анархического движения не выставили. Нам кажется, что причиной всего этого — является непоследовательность нашей тактики, ибо если только умело и последовательно проводить в жизнь принципы Анархо—Коммунизма, — вековые, с молоком всосанные предрассудки, — вера в богов небесных и земных, властителей больших и малых — рухнут навсегда.

"Идея анархизма требует, чтобы тот, кто что-нибудь знает, делился своими знаниями с другими, чтобы тот, кому первому пришел в голову какой-нибудь проект, принимался за его осуществление, объяснив его тем, кого он хочет за собою увлечь; но никто не должен отрекаться, хотя бы временно, от своей воли: власти не существует, а существуют только равные между собою личности, взаимно помогающие друг другу, сообразно своим способностям, не отказываясь ни от своих прав ни от своей обязанности. А чтобы доставить торжество анархическим идеям, самое лучшее средство, это—прилагать их на практике" (Ж. Грав, Умир. Общ. и Анарх. стр. 125). Все ли анархисты поняли эту простую истину? Бесспорно можно сказать, что не все; и многие даже признают "революционное правительство" и "диктатуру пролетариата" (из среды анархо-синдикалистов) и в то же время считают себя вполне сознательными последователями анархистами. Даже среди Анархистов — Коммунистов, мало знакомых с теорией и тактикой анархизма,—есть не мало способных верить и соглашаться с "диктатурой", и только столкнувшись с действительностью в России, они убедились, что диктатура в чьих бы она ни была руках, у богатей или у бедняков,— угнетает и хлещет по спине одних и покровительствует другим.

Некоторые из наших товарищей, говоря о

анархическом движении, иногда преувеличивают таковое, приписывая самые невероятные расширения и углубления наших идей среди рабочих той или иной страны. По нашему мнению, никогда не следует преувеличивать, всегда следует смотреть действительности просто в глаза, т. е. судить о вещах так, как они есть, а не так, как бы нам хотелось, чтобы они были... "Анархическая пропаганда действительно не дала до сих пор всех тех результатов которые она может дать; ее действительно поняли не все те, кто заявляет себя ее сторонниками; но это только доказывает, что наши идеи нужно продолжать разрабатывать, не боясь повторений, чтобы сосредоточить внимание именно на тех пунктах, которые наиболее нужно выяснить" (Ж. Грав Ум. Общ. стр. 130). И таковыми пунктами, или вопросами, как раз и являются вопросы тактики. Мы, наконец, должны прийти к определенному заключению (я подразумеваю здесь всех тех, которые носят имя анархиста; всех тех, которые отрицают государственность—всех стремящихся к свободному безначальному обществу), выяснить и разрешить все спорные пункты нашей тактики. Те пути А. К. общества которые нам казались практическими доказали нам одно то, что мы, столкнувшись на практике, благодаря каким то недоразумениям, д р о б и л и с в о и с и л ы что сильно тормозило достижения нашей цели. И следуя в дальнейшем так разрозненно, как до сих пор, мы, наверное, никогда не сможем добиться своей мечты—воплотить в жизнь идею равенства и братства, т. е. анархический коммунизм. Следовательно, нам, наконец, нужно создать одно **целое, объединенное анархическое движение**. Нужно чтобы каждый из нас знал, к чему он стремится, какова его цель и пути к достижению ее.

"Мы должны ясно и точно определить цель, к которой стремимся. И не только определить эту цель, но и подтвердить ее словом и делом, сделать достоянием всего народа, чтоб в день восстания она вырвалась из всех уст. Совершить эту работу гораздо необходи-

мее и труднее, чем это предполагают; если цель наша и стоит как живая перед глазами небольшого числа избранных, то она совсем не ясна для большей части народа, на который непрерывно влияет пресса буржуазная, либеральная, коммунистическая, коллективистическая и т. д., и т. д." (П. Кропоткин Речи Бунтовщика стр. 259). Следовательно, не вся суть в революции, мы (рабочие) можем восстать, сделать революцию, но кто воспользуется плодами ее? Мы серьезно должны подумать об этом, еще до революции. Нам говорят многие: зачем думать, что будет во время революции, зачем тратить драгоценное время на непрерывные дискуссии о будущем обществе, когда современное еще живет; зачем фантазировать о равенстве, счастье и благоденствии, гармонии будущего строя трудящихся, когда нас еще давит и угнетает настоящий строй капитализма; надо сперва уничтожить, разрушить этот проклятый строй, а потом мы подумаем и поговорим о будущем. Нет! наоборот, говорим мы, незнающий правильной пути—дороги, пусть не трогается с места, ибо он непременно заблудится и погибнет, не достигнув своей цели. Ясно, что нам необходимо более детальное изучение и ознакомление с нашей идеей, с тактикой, методами борьбы, дабы в нужный момент мы не блуждали в потьмах, а последовательно двигались по своему определенному пути, к своей конечной цели. "Мы ничего не выигрываем, избегая споров о теоретических вопросах, наоборот, чтобы быть "практическими", мы должны ставить их на обсуждения и всеми силами оспаривать и защищать наш идеал анархического коммунизма" (П. Кропоткин Речи Бунт. стр. 257).

Повторяя вкратце все сказанное нами раньше, т. е. то, что далеко не все сторонники и последователи анархизма изучили и понимают свой идеал,—мы видим многих "анархистов" философствующих об анархизме, но спросите их: как они будут добиваться его, или еще проще—что они делают для того, чтобы хотя, по крайней мере, приблизить освобождение трудящихся, то они начнут пятиться назад

и искать удобной минуты ускользнуть от вас, или просто ответят: "социальная революция" — вот и все их понятия. Нет, слово социальная революция еще не даст нам того, что необходимо; мы должны знать как действовать в революции, чтобы добиться удовлетворения потребностей человека, а, главное, свободы. Тактика должна быть для нас все равно, что азбука.

Итак, наша цель выяснена более или менее в трудах наших теоретиков, нам следует только более последовательно познакомиться и усвоить ее; нам нечего стыдиться своих недостатков, а как можно скорее выяснить их и тем самым мы будем устранять таковые. И поэтому, чем лучше мы будем знать свою тактику, чем больше мы будем придерживаться своих анархо — коммунистических принципов,

чем последовательнее мы будем излагать наши идеи перед массами, — тем меньше мы сделаем ошибок во время революции, рабочие массы скорее поймут нас, воспримут наши идеи и мы достигнем безвластного анархического коммунизма. Чем яснее мы видим нашу цель, тем скорее мы приближаемся к ней.

А поэтому, нам необходимо выяснить ошибки из прошлого, чтобы не ошибиться и, не заблудиться в будущем и, следуя нашим принципам, мы зложим крепкий фундамент великого свободного общества, основанного на равных началах анархо — коммунизма, где не будет рабства, эксплуатации и власти человека над человеком, а будет гармония и счастье среди свободных людей следующих принципу: "От каждого по способностям и каждому по потребностям".

ИЗ ПЕСЕН КУЗНЕЦА.

Сильней бей, молот тяжелый,
Врезайся в каленный металл.
Ты выкуешь светлую долю
Тому, кто годами страдал.

Сильнее, удар за ударом,
Мой молот любимый, стучи;
Когда же ты выкуешь счастье,
Тогда — ты — тогда замолчи...
Р. ЭРМАНД.

К ИСТОРИИ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

(Перевод из "Дер Фрай Арбейтер" — органа коммунистов — анархистов Германии).

ВОЗЗВАНИЕ!

Мы, красноармейцы 522-го полка, 25-го июня (1920-го г.), в полном вооружении и без одного выстрела перешли к повстанцам Махновцам. Наши товарищи, назначенные нами травили нас и наш переход объявили свободным взрывом страстей и склонностью к бан дитизму. Все это — низкая и подлая ложь коммиссаров, которые пользовались нами как пушечным мясом. В продолжение нашей двухгодичной службы в красной армии мы пришли

к убеждению, что весь общественный строй наших жизней лежит только в господстве коммиссаров и что такой строй приведет нас в конце концов к рабству не слыханному в истории.

Потому, что они ведут беспощадную войну против богатей и барышников; потому, что они выступают за свободный союз и советы городских и земельных рабочих, без дик-

татуры какой-либо партии; потому, что они борются за передачу фабрик заводов и земли организациям рабочих и крестьян. За эти цели борются Махновцы и за эти цели стоим также и мы, вчерашние красноармейцы и сегодняшние свободные революционеры.

Товарищи Красноармейцы! Следуйте примеру ваших товарищей! Мы думаем, что революционный дух борьбы для самоопределения трудящихся в вас еще не спит. Мы надеемся, что комиссары не убили еще окончательно в вас желание борьбы против всякого грабежа и угнетения.

Слушайте же, и не проливайте напрасно крови ваших братьев!

Будьте сильны! Будьте героями и следуйте нашему примеру!

Вас ожидает наш братский прием.
Красноармейцы 522-го полка, сегодня Махновцы.

ПРОТОКОЛ СОВМЕСТНОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТОВ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОВСТАНЦЕВ УКРАИНЫ (МАХНОВЦЕВ) И ШТАБА ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП, 23-го ИЮНЯ 1920 ГОДА.

Докладчик, член Александровского Комитета партии Социалистов - революционеров (меньшинства).

Тов. Мих.—(докладчик партии С.-Р.-ов) говорит, что ввиду ужасного наступления Белых, необходимо объединить все революционные силы вместе, дабы сделать невозможным дальнейшее вторжение Белогвардейцев. Александровский Комитет партии С.-Р.-ов, Меньшинства, выбрал его делегатом к Махно с согласия Большевиков, которые предложили нам посредничество, чтобы вести борьбу против Белых совместно всем. Он призывает собрание оставить все споры с Большевиками, пока неприятель еще не побежден. Все партийные расхождения и споры позади Красной Армии приостановить до достижения победы над Врангелем, и возобновить борьбу против Врангеля, который совместно с поляками ведет с собой чудовищную контр-революцию.

По его мнению не возможно тотчас же привести к безвластному состоянию, и он пред-

лагает попробовать поддержать идею рабочей власти. Он указывает на различные разногласия в Большевицской партии существующие течения в партии С.-Р.-ов.

Тов Полевой—дает тов. Миху прямой и резкий ответ на его агитацию за рабочую власть. Он указывает, что мы, Махновцы, испробовав на себе все пути различных властей, не поймались на удочку переименования власти. Сущность каждой власти, Врангеля или Большевиков,—одинакова. Он ставит тов. Миху два вопроса:

1) Являетесь ли вы делегатом только от вашей организации, или также и от Большевиков, которым может быть по каким-либо разным причинам неудобно послать собственных людей?

2) Известно ли вам, что Большевики, которые совсем не полагали уничтожить только "одного" Врангеля, одновременно послали другую делегацию? Последняя показалась здесь во всеоружии на этих днях и должна была выполнить убийство тов. Махно?

Тов. Мих.—извиняется за сделанную агитацию. Его организация решила не входить ни в какие связи с нелегальными коммунистами—что только повредило его делу. Его поездка по сей причине сделана с Большевицкого ведома, а посему нашей (Махновцев) делегации, которая после целей Александровска должна бы быть послана на общее совещание, могла бы быть предоставлена неприкосновенность личности.

Тов. Попов.—Я не знаю от кого и с какой целью послан тов. Мих. В одном только нет сомнения, что Большевики не ставили ни какого рода западни и не посылали доказательств, когда они не хотели нас использовать и всю выгоду. Можем ли мы вообще иметь что-либо общее с коммунистами, которые посылают свирепые карательные экспедиции по селам и расстреливают там наших отцов? Конечно, мы будем бороться против Врангеля, а когда нужно будет, мы поведем борьбу на четырех фронтах, но союз с Большевиками был бы ущербом для дела революции.

Тов. Махно.—Я настаиваю обратить вели-

чайшее внимание на миссию тов. Миха.—Эта миссия вполне определенно исходит от Большевиков, которые без сомнения не без известных целей предприняли этот шаг.

Тов. Куриленко.—полагает, что должно дать делегации вполне отчетливый ответ. В нашей местности циркулируют уже различные слухи относительно большевительской делегации к нам, о том, каковы могут быть серьезные последствия боеспособности наших фронтов.

Тов. Белаш.—Несмотря на переговоры с Большевиками, предлагает продолжать нашу борьбу.

Тов. Попов. — Вспомните, какие хорошие люди были Большевики: Голубенко, Иванов и другие, когда они были в критическом положении, и каким большими падлецами они стали, когда они снова достигли власти. Он предлагает основательно обсудить дело, но думает, что должно бы дать ответ на это.

Тов. Тарановский.—Совет должен дать ответ на запрос Партии Социал-Революционеров.

Тов. Марченко.— против какого-либо союза с Большевиками, которые хотят нас только использовать.

Такого же мнения товарищи Дерменджи, Белаш и Огаркин.

Тов. Буданов.— Мы даем письменный ответ, что мы, как революционеры, будем самостоятельно бороться против Врангеля.

ЛЕТУЧКА ТОВ. МАХНО К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ РОССИИ.

(Из "Дер Фрай Арбейтер).

РАБОЧИЕ, КРЕСТЬЯНЕ И КРАСНОАР-ЦЫ.

Вы были единственными свидетелями, когда вся буржуазная сволочь, во главе с Деникиным и Ко., снова хотела вернуть рабочих и крестьян на целое столетие к крепостничеству и пробовали ввести феодальный строй помещиков. Но они были окончательно разбиты посредством революционно-бунтарского духа, который говорит в Махновцах.

Теперь зверь снова вытягивает свою голову: поддерживаемый буржуазией Запада, по-

следним козырем которой он является, ведет он свои орды на нас и хочет обременить нас властью и ярмом угнетения. Одну мысль можем мы только допускать: не вступать с ним ни в какие связи, если мы поставили себе, как цель: бороться до последней капли крови, чтобы окончательно уничтожить нашу и мировую буржуазию или же помереть.

Послушайте же, что на нас наговаривают Коммунисты-Большевики — ходатаи "рабоче-крестьянского" правительства. Они обвиняют нас, посредством подлой лжи в их злонамеренной агитации, что мы идем вместе с Врангелем и делаем себя посмешищем перед рабочими и крестьянами всего света. Не стыдно ли им?! Разве они сами с их властными институтами, как Че-Ка (Чрезвычайная Комиссия) и Комиссарская власть, которые, как раньше и единовластие выделило из себя новое дворянство во главе с правительством,—не делают новой контр-революции? Мы же боремся против контр-революции и теряем наших лучших товарищей!

Да, мы должны констатировать факт, что единственными виновниками расцвета контр-революции являются одни Большевики, так называемые "Социалисты — Государственники". Они ведут нас к государственному капитализму—новым внутренним деспотам и возрождают наново частный капитализм—нашего злейшего врага.

Мы, Махновцы, мы либо падем в борьбе, или же поразим и разрушим обе фазы новейшего капитализма и построим новую жизнь при действительном свободном Социализме!

Долой угнетателей рабочего люда, как с справа так и слева!

Да здравствует Интернациональный союз городов и сел!

Да здравствует Социальная Революция!

Осведомительный комитет революционной армии повстанцев Украины (Махновцев), Июль 1920-го года.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА.

О РЕВОЛЮЦИОННОМ СИНДИКАЛИЗМЕ

Независимов.

(Ответ тов. Автономову).

Во всей революционной печати, революционный синдикализм, т. е. современное массовое экономическое рабочее движение, без примеси какого бы то ни было политиканства и узкой партийности—движение (вернее организации) признающее и ведущее прямую борьбу против современной системы рабства, занимает довольно широкое и почтенное место.

Но мы не намерены освещать данную сторону вопроса. Совершенно другая сторона нас интересует, на которой мы и намерены остановиться и сделать кое-какие выводы и заключения. Сторона это—скептическое (отрицательное) отношение некоторых анархистов к революционному Анархо-Синдикализму.

Следует заметить, что вопрос этот старый и вечно—юный, как назвал его тов. Раевский, занимает место непрерывной дискуссии—между сторонниками и противниками Анархо-Синдикализма, т. е. между анархистами старой и новой школы. Добавим еще, что большинство из всех страстных устных и печатных прений были ничто иное, как словопрения, т. е. перебивание из пустого в порожнее уже по той простой причине, что эти многочисленные дебаты ни к чему новому не привели и ничего нового не выдвинули. Вопрос по-прежнему остается не разрешенным—висящим где-то в пространстве.

Анархисты старой школы не сумели доказать нелогичности, несущественности, бесполезности широкого экономического рабочего движения, развиваемого в духе антигосударственном. Сама история доказала нам, что революционное массовое противугосударственное дви-

жение с каждым днем расширяется и крепнет, тогда как традиционный анархизм (т. е. 80-х годов), почти испарился—распылся. И только изредка "единицы"—повторяют свои старые, наизусть заученные, очень поблекшие доводы против массового революционного течения.

Одна из таких анти-синдикалистических статей, имела место на страницах Анархо—Коммунистического органа "Волна" № 22, под заглавием: "Кое-что о Синдикализме", за подписью Автономова. Были и раньше помещаемы подобные статьи в упомянутом журнале, но мы намерены остановиться подробно только на последней.

Автор статьи, тов. Автономов, подходит к вопросу очень издали, и вообще истолковывает революционный Синд-м так туманно, так односторонне, что малоразбирающемуся рабочему, совершенно не мыслимо разобраться в его суждениях. Вообще, нам кажется, что тов. Автономов, запутывает вопрос (для более легкой развязки это—необходимо). Вместо того, чтобы распутать, раз'яснить неясные вопросы, чтобы провести линию, между Революционным Синдикализмом и вообще Синдикализмом, — он смешал их воедино, показывая только отрицательную сторону такового.

Мы оставим в стороне все реакционные, консервативные, желтые союзы—Синдикаты, на подобие Американской Федерации Труда, а будем говорить только исключительно о Революционных Синдикатах.

Революционный Синдикализм родился и развивался после раскола Первого Интернацио-

нала и последовавшего за ним распада. Раскол произошел вследствие невозможности примирить те принципы и ту тактику, которые отстаивались Юрской федерацией, а также федерациями того же направления Испании и Восточной Бельгии. Принципы и тактика современного Революционного Синдикализма — это принципы левого крыла Первого Интернационала.

Анархисты не находили никогда ничего противного в принципах тех союзов, которые составляли левое крыло Международного Союза; наоборот, всегда были согласны с таковыми и работали вместе. То же самое замечалось и в начале развития Синдикализма: до тех пор, пока анархисты принимали деятельное участие в синдикатах, замечался дивный рост этого движения, с тех же пор, как анархисты стали относиться отрицательно к синдикалистам, таковые стали заметно чахнуть и подпадать под опеку лидеров политиканов. Но в общей сумме следует подчеркнуть, что синдикалисты остались революционными. Несмотря на резкую, излишнюю и незаслуженную критику со стороны анти-синдикалистов. Синдикализм выдерживает ее и показывает признаки самостоятельности; и возможно, в скором будущем, синдикальное движение сможет обойтись без мнимой, посторонней помощи и, высоко подняв знамя революции, будет шагать по пути к равенству, братству и свободе — к обществу где будет счастье и довольство для всех.

Ибо мы с каждым днем приближаемся к тем принципам, к той тактике, которую предлагает нам революционный Анархо-Синдикализм. Это высказывает даже тов. Автономов (вероятно незаметно для себя), говоря: "Сепаратная, узколинейная борьба против капитализма напоминает собой борьбу против отдельной руки, или ноги человека, не касаясь его туловища." Вывод ясен: нужно бороться так, чтобы коснуться всего разом и нанести умелый и мощный удар. Необходимо действовать политически и экономически; но как будут бороться анти-синдикалисты? — об этом тов. Автономов, как видно забыл упомянуть.

Немного ниже он спохватился и еще

лучше поясняет, говоря: "Все это свидетельствует, что односторонней, не выходящей из рамок узкого течения борьбой победить капитализм невозможно." Революционный Синдикализм в самом своем зародыше уже пришел к тому здравому выводу, что узкой, не выходящей из рамок борьбой, нельзя победить капитализм, а только массовой всесторонней борьбой, опираясь на широкие слои рабочих и крестьян, сознающих необходимость борьбы и вообще переустройства современного общества, возможно будет осуществить заветные мечты сознательных рабочих, т. е. осуществить революцию для рабочих и тем самым приблизиться к свободному состоянию людей, к обществу, где не будет власти и эксплуатации человека человеком.

Нас ничуть не удивляет то, что тов. Автономов, как традиционный анархист, пришел к тем же неясным доводам и путается среди них подобно своим сотоварищам Рошину и А. Ф.; если также желательно доказать "утопию" синдикализма, но к большому сожалению, они все трое и в особенности тов. Автономов, не смогли своими анти-синдикалистическими доводами найти и дать что-нибудь нового, взамен Анархо-Синдикализма. Все критикуют и не могут согласиться с тактикой и вообще с действиями революционных синдикалистов, но и все приходят к заключению, что им необходимые рабочие массы и каждый хочет какнибудь подойти с своей стороны к массе. Тов. Рошин провозглашает раскол, а тов. Автономов мечется из стороны в сторону, от земли в облака, чтобы доказать "безжизненность", "безцельность", "безформенность", "недалековидность" и "односторонность" революционного синдикализма, забывая о том, что немного выше, в своей статье он высказался за безразличную и всестороннюю борьбу; о которой анти-синдикалисты боялись даже словечко проронить.

О "безцельности" Профессиональных союзов в России мы приведем несколько слов в доказательство того, что в России есть некоторые, если не все, революционные Профсоюзы: в "Амер. Изв." от 11 марта с. г. помещено

сообщение, где говорится, что революционное движение, направленное против больш. правительства, поддерживается профсоюзами.

Мы далеко не хотим приписывать всем профсоюзам революционность, но мы не могли бы обойти молчанием того, что в действительности есть. Тов. Автономов выбрал профсоюзы как очень слабое место в синдикализме, но он ошибся: мы видим, что эти безформенные (как назвал их тов. Автономов) профсоюзы, не чужды революционным порывам, им не чужд бунтарский дух,—наоборот, они всегда способны защищать этот дух—для анархизма. Мы уже сказали выше, что все старания анти-синдикалистов доказать что-нибудь в противовес революционному синдикализму оказались тщетными, тов. Автономов даже хочет, вернее пробует, синдикализм синдикализмом разрушить. Самое интересное у тов. Автономова—это то, что он хочет раз'единить революционный **Анархо-Синдикализм, от Анархизма**. Мы не станем говорить об отношении Анархизма и революционного синдикализма, (что в сущности есть одно и то же) к государственным учреждениям, собственности, права и религии,—все эти вопросы довольно разработаны в революционной анархической и синдикалистической литературе, посмотрим насколько Анархизм—анти-синдикалистичен и синдикализм—анархистичен?

”Синдикалисты стремятся к обобществлению средств производства и потребления на почве равенства, с устранением всех форм всех видов заработной платы, установлению производительных групп, федерирующихся между собою свободно. Для них современная федералистическая организация синдикатов, улучшения, усовершенствованные временем и опытом, должны занять место государства, к разрушению которого они стремятся. Организация, которая стремится к этой великой цели, должна быть не политической, а экономической организацией, не централистической, а федералистической. Синдикаты организуют рабочих не в политическую партию, а в класс; синдикальная организация не имеет других границ, кроме границ самого рабочего класса.

Они стремятся к революции не политической, а к экономической революции, хотят совершить эту революцию сами, без всяких посредников и потому относятся с чисто анархической враждой ко всякому захвату власти. Их средства повседневной борьбы не парламентаризм и законодательство, а прямая непосредственная революционная борьба против власти и капитала на почве производственных отношений, путем стачек, демонстраций, саботажа, бойкота и др.“ (”Как из чего развился революционный синдикализм.“ К. Оргеяни. ст. 87—88.)

Что же тут есть анти-анархического, в приведенной цитате, спросим мы у тов. Автономова? Не думает ли тов. Автономов, что его странная ”разграничить“, отделить синдикализм от анархизма—напрасны, и вообще, его суждения о ”границах“,—очень поверхностны и неосновательны. Это, по крайней мере, доказывает нам сам тов. Автономов. В одном месте своей статьи, он приписывает революционность исключительно анархизму, в другом говорит, что ”слово революция, начертано на знаменах, как анархизма, так и синдикализма“, Говоря это: он сам себе противоречит. Но эт не важно; гораздо важнее отметить еще несколько фактов, тождественных анархизма с синдикализмом. Анархизм есть учение о свободе, а свобода не чужда синдикализму. Нет особой пользы от того, что мы будем много говорить о свободе, а нужно больше делать для того, чтобы как можно скорее достичь заветной цели—свободы. Синдикалисты, поняв эту истину, стараются провести ее в жизнь, т. е. организовать рабочих прежде всего и внушить им мысль о необходимости борьбы с капиталом и властью и научить их любить свободу, за которую они должны бороться. Но мы не должны забывать и оставлять в стороне (синдикалисты не забывают) повседневную борьбу, т. е. борьбу за мелкие требования и улучшения для рабочих, ибо в этих ”мелочных“ выступлениях, если рабочие выигрывают хоть и незначительно, то они все таки убеждаются, что ~~они~~—только неустанной борьбой смогут добиться чего либо существенного, а также и

в своей силе. "Но, если они не выигрывают в своей борьбе; если они вместо победы, терпят поражение,—они задумаются над этим и придут к заключению что причиной ихней неудачи является ихняя неорганизованность и непонимание своих классовых интересов. И тогда они, естественно, поймут необходимость: объединения, солидарности и общности интересов, и общими силами выступят против всей капиталистической системы и за полное свое освобождение!" ("Волна" № 15 ст. 14 Малатеста).

Другого выхода, как подойти и убедить малосознательных рабочих, быть не может. Как ни стараются анти-синдикалисты нащупать почву соприкосновения с массами вне синдикатов, где бы они могли знакомить с своим учением рабочих, они ее не могут найти. Утверждения о том, что "с массами можно соприкасаться, на фабриках, на улицах и т. п.," — остаются пока только словами: ничего подобного на деле мы не видим. Да и в самом деле, как это, встретив прохожего рабочего на улице, ни с сего, ни с того, давай ему проповедывать анархизм тогда — когда он может быть религиозен еще до мозга костей, вы станете еще твердить о разрушении одного и создании другого; о свободе, солидарности и других сложных вещах, о которых он ничего не смыслит, да и не настроен слушать что-либо подобное! Нет, тут ясно, что проповедникам анархизма необходимо идти туда, в ту среду, где их могут выслушать и настроены слушать, в то поле, где посеянное семя анархии, может взойти и дать обильные плоды.

А таким полем и являются как раз синдикаты. "И мы, рабочие, мы, как практические работники и как анархисты, должны всегда находиться в рядах рабочих, вместе с ними работать и бороться до конца..." (№ 15 "В.", ст. 14, —Малатеста.) Но не уходить от масс не отмежевываться, как это делают анти-синдикалисты, не желая заниматься "повседневщиной". Ортегони говорит: "Именно в повседневной борьбе вырабатываются элементы революционной деятельности. Повседневная борьба—необходимая основа революционной

борьбы; она та материя, из которой формируется революционная сила." ("В." № 17 ст. 21).

Анти-синдикалисты, не желая окунуться в повседневщину, тратят время и свои "таланты" исключительно на критику повседневной борьбы, не достигая ничего полезного этим.

Кропоткин говорит: "В борьбе за существование человеческие общества развиваются по направлению к такому состоянию, где были бы осуществлены наилучшие условия для достижения наибольшего счастья человечества." (Анарх. Альцб. ст. 177). Революционные синдикалисты и придерживаются такого направления, т. е. Кропоткинское: движутся, поскольку это в ихних силах к такому состоянию общества и борются за то, чтобы достичь наибольшего счастья не только для себя, а и для всего общества.

Для того чтобы подкрепить наши мысли, а главное, чтобы подчеркнуть, что синдикализм хотя и—не анархизм, то все таки он составляет, или, вернее, является частью анархизма. Мы должны остановиться подробнее на профессиональных союзах и отношении к ним анархистов.

Было бы гораздо легче выражаться и понятнее называть революционный синдикализм, или еще вернее, анархо-синдикализм, не упоминая профсоюз, как мы упоминали уже выше, смешал все в одну кучу, а потому, волею судеб и мы вынуждены следовать по его стопам.

Тов. Автономов не только постарался разделить синдикализм от анархизма, но даже соединить с социализмом; разница только та, по его мнению: по "социалистическому обществу должно подтравливать" к свободе политической дорожкой; согласно же синдикалистическому повествованию — экономической". Кропоткин же, как и многие другие анархисты в том числе и мы понимают этот вопрос совершенно иначе. Кропоткин говорит следующее:

"Рабочие Западной Европы понимают, кроме того, что при первой попытке установления будущего строя,—будь то в деревнях,

среди крестьян, или в отдельном городе, или в области, объявившей коммуны,— дело организации коммунистической жизни и производства на общих началах непременно выпадет на долю рабочих союзов, которые одни могут взять на себя громадное дело переустройства промышленности в интересах всего общества.“ (“В.“, № 19, ст. 8). (Курсив мой, Нез.).

И не только Западной Европы: сегодня рабочие почти целого мира, начинают понимать так, как понимают анархо-синдикалисты. Необыкновенный рост профсоюзов во всех государствах явно свидетельствуют о том, что рабочие не на шутку задумываются над своим положением, а также и над средствами и приемами борьбы, на которую они готовятся выступить. Рабочие серьезно присматриваются и прислушиваются к разным партиям—политическим и экономическим; и в последней они видят свою партию—рабочую, и к ней стараются примкнуть. Ибо только такая партия, которая всецело базируется на основе экономики,—только партия, вернее класс производителей, может победить такую силу, как капитализм, разрушить нынешнюю рабскую систему и построить новую на началах равенства, братства, свободы, счастья и довольства.

А потому, как говорит тов. Раевский, “мы, анархо-синдикалисты, придаем исключительное значение революционно-экономическим рабочим союзам; мы видим в них авангард революции в настоящем и ячейки нового общества в будущем и считаем, что никакая партийная организация, в том числе и анархическая, не может их заменить“. (Анархо-Си-м и Крит. С-м ст. 5).

Это—мнение синдикалистов, желательно знать взгляд анархистов по этому вопросу? Для этого мы процитируем несколько слов у Кропоткина и покажем тов. Автономову насколько глубока разница между социализмом и синдикализмом и родственность последнего с анархизмом.

Кропоткин говорит: “В то время, как социал-демократы смотрят на рабочие профессиональные организации как на подспорье политической борьбы, которую они ведут в пар-

ламентах за власть (Курсив Автора), Анархисты смотрят на рабочие союзы, как на ячейки будущего социального строя и как на могучее средство для приготовления такого общественного переворота, который не ограничивался бы одною переменою правления, а также перевернул бы современные формы хозяйственной жизни, т. е. распределение производственных богатств и способов их производства“. (“В.“, № 19 ст. 8).

Уже ясно видно, что как синдикалисты, так и значительная часть анархистов одинаково смотрят на рабочие союзы, как на ячейки будущего общества, как на силу пролетариата, которая способна разрушить современную рабскую систему, но так же и способна построить новую, которая будет основана на началах равенства и справедливости.

Пусть тов. Автономов, не боится того “центра“ который (по его убеждению) синдикалисты примутся “сколачивать“, у синдикализма есть совершенно другая, более важная работа, за которую он и примется на второй день революции—производство.

Не “постановления и указы“, а организация и воспитание рабочих масс—населения, возьмут на себя рабочие союзы и, вообще, переустройство страны а возможно и целого мира. Не централизм — а федерализм! Вот основы синдикализма—лозунги за которые он борется. И приписывать синдикализму какие то централистические и государственные тенденции и даже принципы (и что еще хуже), будто синдикализм представляет из себя что-то болтающееся, неопределенное, готовое примкнуть ко всему, что только имеет притягательную силу, —в высшей степени нелогично. Новомирский говорит: “Революционный Синдикализм исходит раньше всего из глубокого убеждения, что государство было, есть и будет организацией господства владеющего класса и потому бессмысленно угнетенному пролетариату стремиться его завоевать; что небольшие реформы, которые можно вырвать из рук врагов в рамках частной собственности и государства, пролетариат может исторгнуть только собственной самостоятельной борьбой, непрерывно давая и

теся буржуазию и государство; что рабочий клас может освободить себя от каторги наемного труда только путем коллективного грандиозного усилия всех трудящихся, посредством всеобщей стачки.“ (Из Пр-мы синд. А-ма ст. 150—151).

Как видите, тов. Автономов, у синдикалистов есть ясное и определенное отношение к государству, и государство ни в коем случае не может быть, или является ”притягательной силой“ для синдикализма.

Чтобы показать тов. Автономову, что революционный синдикализм и революция ”на экономической почве“ не есть ”детские грезы“, мы приведем еще одну цитату из брошюры Новомирского, которая покажет, что синдикалисты не только имеют определенное мнение по отношению к государству, но также и к политическим партиям и к реакционным ”тред-юнионам. Новомирский говорит: ”Тред-Юнионизм есть тактика буржуазного либерализма, парламентаризм есть тактика интеллигентского коллективизма, революционный синдикализм ведет к **рабочему анархизму**. (Курсив мой Нез).

Ибо, ограничивает деятельность работников борьбой за лучшие условия нашего труда, то этим самым признает основу нашего труда частную собственность и становится на точку зрения либерализма. Кто сосредоточивает борьбу вокруг завоевания государственной власти, этим самым признает эту власть, господство человека над человеком и становится авторитарным социалистом, социал-демократом, а тот, кто строит тактику на внепарламентской самостоятельности самого организованного пролетариата, даже против своей воли содействует созданию чисто **экономического**, рабочего общества, без хозяина и без власти—**Анархической Коммуны**.“ (Курс. Нез. из Пр. синд. А-ма ст. 151)

Итак, мы уже показали и доказали словами самых анархистов (таких как П. Кропоткин), что революционный синдикализм не есть какое-нибудь отвлеченное понятие, не утопия, не детские грезы, а есть логическое, практическое, политико-экономическое, чисто пролетарское массовое движение, выдвинутое самой

жизнью. Безчисленный ряд столкновений рабочих с капиталом и властью последних двух веков, или даже гораздо больше, с самой колыбели человечества доказывают необходимость и толкают рабочих к единению, к организации одной великой армии труда, которая могла бы противопоставить силу той силе, которая владеет всеми орудиями труда, угнетает и поработачивает целое общество; которая могла бы отнять, а не ”перенять“, как говорит тов. Автономов, орудия производства. Ибо для перенятия производства в свои руки, не приходилось бы проповедывать и вести борьбу с оружием в руках—социальную революцию, которую проповедывают революционные синдикалисты, а можно было-бы согласиться с тем учением, которое гласит: что с течением времени, современный строй в своем целом построении отомрет. И тогда только, время в такое учение, пришлось бы готовиться к ”перенятию“, в час кончины данного проклятого строя.

Но революционные синдикалисты, не верят в такую утопию: это видно и ясно каждому сознательному пролетарию. А потому приписывать синдикализму, который с оружием в руках занял позицию в авангарде пролетариата против капитализма, перенятие, а не отнятие орудий производства, человек, понимающий революционный синдикализм, ни в коем случае не может.

Революционный синдикализм, как сказал тов. Ортегони, организует рабочих не в партию, а в класс. этот класс повседневно борется за улучшение своего быта; он употребляет всевозможные средства, для того, чтобы обезсилить и обезвредить противоположный привилегированный класс. И носят в себе зачатки (ячейки) того нового будущего общества—идеального общества, которое проповедует анархизм. Сами анархисты подтверждают это.

Выражение Малатесты, что ”Синдикализм, как порождение капитализма, развивается по **линии начертанной капитализмом**,“ — справедливо; с ним согласились как анти-синдикалисты, так и синдикалисты, говорит тов. Автономов. Совершенно верно: синдикализм развивается по **линии начертанной капитализмом**, но

мы синдикалисты не видим ничего в этом оскорбительного и вообще правда действительность не должна никого оскорблять.

Не только синдикализм, но и все существующее в этом грешном мире развивается по линии начертанной капитализмом;—в том числе и анархизм. Мы знаем, что все орудия производства, все богатства целого мира находятся в руках этого могучего чудовища—капитализма. Вся система капиталистического общества построена, начертана капитализмом. Отчего мы и называем современное общество — капиталистическим. Люди и вообще рабочие, противу своей воли вынуждены развиваться и двигаться по линии, которую начертал капитализм, ибо другой линии они не видели, или, если видели, то не способны были понять: почему и для чего эта линия существует, будучи воспитаны в духе желательном только для капитализма. Коль скоро появились в капиталистическом обществе личности, группы и секты, которые расходятся с данным обществом, они строят новую теорию общества на более свободных началах.

Теория может быть основана на совершенно новых данных, открытых наукой и не иметь ничего общего с основами современного общества; Она может иметь свое старое определение, свою философию, принципы и тактику, словом, ничем не соединено и не похоже на основы старого общества—капиталистического.

Но это теория, это новое учение должно иметь своих последователей, свои кадры защитников, способных защитить свою теорию, свой новый идеал от тех, с которыми он идет в разрез, и которые, видя это новое течение мысли, будут всеми силами стараться заглушить, разрушить, совершенно искоренить и убить эту новую свободную мысль.

Следовательно, те немногие последователи этой новой мысли, т. е. своего идеала, должны как можно пошире проповедывать свой идеал, углублять его среди народных масс и тем самым набирать и увеличивать ряды своих единомышленников и противопоставить силу силе. Только придерживаясь такого метода, возможно заметно приблизиться к своему идеа-

лу.

Назовем ли этот идеал анархией и последователей его — анархистами—антисиндикалистами. Анархизм, по мнению анти-синдикалистов, не должен развиваться по линии начертанной капитализмом, а потому с нашей точки зрения становится невозможным развитие анархизма в данном капиталистическом обществе: анархистам приходится ждать пока на нашей грешной планете, не будет какого-нибудь другого общества, более свободного, где бы анархизм мог развиваться по линии начертанной самым анархизмом, или перейти в пустыню и там развивать анархизм безпрепятственно.

Этот вывод вытекает из умозаключений анти-синдикалистов. Анархисты, в общем, мы, думаем, очень мало смотрят по какой линии развивается ихний идеал, лишь бы можно было видеть развитие, т. е. расширение и углубление ихнего идеала (в особенности так думают анархо-синдикалисты) и лишь бы это развитие не противоречило тактике и принципам анархии. Мы думаем, что все, что не предпринимается анархистами в настоящее время, идет по линии начертанной капитализмом. И только во время Социальной Революции, или вернее, после Социальной Революции, анархизм сможет развиваться по линии начертанной анархизмом. До того времени, т. е. до взрыва Социальной Революции, анархизм, как и синдикализм, будет развиваться по линии начертанной капитализмом и в рамках этого же проклятого общества. Борьба с капитализмом вне рамок данного строя нам кажется совершенно не возможной, да и не понятной для нас, а тем более для малосознательной части рабочих.

Для того, чтобы в борьбе с капитализмом возможно было наносить ему удары, мы вынуждены идти именно по линии капитализма, т. е. наступать на его позиции. Для примера возьмем две сталкивающиеся армии: эти две армии имеют своих стратегов, имеют две особо начертанные линии, но они часто следуют по одной линии, т. е. одна за другой, и именно употребляется это тогда, когда все силы направляются, чтобы сокрушить своего против-

инка.

Или, возьмем в пример партизанскую войну, которую проповедают синдикалисты и анархисты: партизанские и повстанческие отряды, действуют среди, вернее внутри позиций буржуазно—капиталистических наемных банд, и там же в удобные моменты разбивают и вообще деморализуют фронт буржуазии.

То же самое орудие—метод употребляют синдикалисты в настоящее время в данном обществе: они организуют рабочих; революционизируют рабочих, в своих повседневных выступлениях: убеждают рабочих, что сила в единении, в знании и понимании своих классовых интересов.

Ведя борьбу за повседневное улучшение условий жизни, синдикалисты не забывают также и о идеях, а по силе возможности проводят идеальную черту среди рабочих, членов синдикатов, этим самым и воспитываются зачатки будущего общества.

О зависимости синдикализма от капитализма нам не приходится много говорить; мы уже говорили выше, что от этого проклятого чудовища почти все зависит, потому что все в его руках: умри сегодня капитализм, как форма рабства, умирает синдикализм, как форма организации борьбы с рабством. Останется свободное сожигание людей. Но достигнув свободного общества, останется ли анархизм, как таковой, в дальнейшем?

Революционный синдикализм есть одна из лучших форм организации и воспитания рабочих в духе анархическом. Игнорируя и отрицая революционные синдикаты, анти-синдикалисты тем самым отдаляют анархизм от рабочих масс тогда, когда он им так необходим; и они же сомневаются в том, что отдельные личности и группы смогут когда-нибудь осуществить Социальную Революцию. Напрашивается вопрос: почему отрицают революционный синдикализм у которого есть больше шансов на победу над капитализмом, чему анти-синдикалистов?

Интересно было-бы отметить еще один факт, который до сих пор остается загадочным для нас. Мы уже говорили, что анти-син-

дикалисты не сумели доказать беспочвенности синдикализма, ибо до сих пор ими не дано ничего нового в замен, и вообще анти-синдикалистическое течение— весьма слабо, чтобы о таком говорить, как о значительной величине. Гораздо важнее было-бы узнать отношение федерации анархо — коммунистических групп к синдикализму? В "Волне," органе упомянутой федерации С. Ш. и К., хотя и нашли себе место анти-синдикалистические статьи, но из этого еще нельзя заключить, что федерация А. К. групп—анти-синдикалистична; ибо в "В." есть много материала в защиту революционного синдикализма, писанного или выраженного самими видными анархистами.

Например, Кропоткин говорит: "Пора теоретических рассуждений в отдельных маленьких группах прошла. Мы выработали свои идеалы и цели, мы сложились, как люди, воодушевленные общей целью и согласившиеся в общих чертах относительно способов действия. Но жизнь быстро идет вперед и требует от нас большего, гораздо большего даже, чем отдельные акты героизма в борьбе с капитализмом и его защитниками в правительстве. Она требует от нас деятельного вмешательства в жизнь крестьянских и рабочих масс." "В." № 19, стр. 9)

Многие утверждают, что П. Кропоткин был тоже противник синдикализма, как массового движения, наоборот, кто читал деятельность этого маститого революционера и теоретика А. К., знает, как много он поработал для рев. синдикализма. И его несколько приведенных нами цитат подтверждают это тоже. Еще недавно, почти на пороге своего гроба, он говорил: "Я верю в то, что синдикальное движение т. е. движение профессиональных союзов которое на свой конгресс недавно собрало представителей от 20 миллионов рабочих, выступит великою силою в течении ближайших 50 лет, чтобы приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества. И, если бы я был во Франции, где в данную минуту центр профессионального движения, и чувствовал по больше сил, бросился бы с головой в это движение." (Письмо Кропоткина, "Клич Анар-

хистов“, стр. 8).

Кому покажется сомнительным то, что сказал П. А. Кропоткин по отношению к синдикальному движению! Сомнений быть не может! То, что говорил и предполагал Кропоткин десятки лет тому назад, сегодня есть совершенный факт.

Революционное синдикальное движение очень быстро разрастается повсюду по всем большим и малым державам и всюду стоит на страже своих рабочих интересов. Революционный синдикализм выбрал очень верную позицию и с каждым днем он ее укрепляет и каждый день он готовится к борьбе, не на жизнь, а на смерть с капиталом и властью. Ему-то и суждено выполнить роль освобождения поработанных из под ярма капитализма. Своею „вознею“ с последним он воодушевляет рабочих: добиваясь каких-нибудь улучшений, он показывает и убеждает рабочих, что в их руках сила: „коли твоя рука захочет, то ни одна машина не загрохочет“; что рабочие, объединившись, могут добиться не только двухсентовой прибавки, сокращения рабочего дня, или, как говорит тов. Автономов, „большого куска бифштекса“, но они смогут отнять все у капиталистов и заставить их работать наравне с собою.

Синдикализм один способен объединить рабочие массы и повести их по пути к полному освобождению. Он не спрашивает у рабочих их политические и религиозные убеждения, — он спрашивает: ты, наемный рабочий, хочешь ли ты лучшей жизни добиться для себя и своих детей; хочешь ли ты, не быть голодным, не ходить полуголым и босым, хочешь ли ты что-

бы труд не был каторгой, а развлечением и, наконец хочешь ли ты быть свободным? Если хочешь то иди, вступай в наши ряды, и будем бороться вместе за свои рабочие интересы, за улучшение условий жизни, вплоть до полного своего освобождения.

У синдикализма есть ответы и на счет будущего: все сказанное нами выше проливает достаточно света на настоящее и будущее синдикализма, а приведенные нами цитаты подтверждают нашу мысль. Против чего мы и за что? Это ясно и определенно заявляют синдикалисты. Они борются за уничтожения современной системы наемного рабства—капитализма; эксплуатацию орудий производства, уничтожения частной собственности и за обобществление всех богатств. Все должно принадлежать всем и никому в отдельности.

Синдикалисты ясно понимают к чему они стремятся, но по они не хотят доводить „чужие мысли до нелепости“, как выразился Жан Грав. Тогда, когда общество придавлено рабочей системой капитализма, когда его разедают современные учреждения,—безмысленно твердить вечно о будущем. Когда миллионы наемных рабочих и крестьян не имеют свободной минуты для того, чтобы они могли задуматься над своим положением, — необходимо делать что-нибудь, чтобы дать им возможность выпрямить свои силы хоть немного и указать им всю окружающую несправедливость — доказать им необходимость разрушения всего капиталистического строя и постройки нового. Этот будущий строй, который революционные анархо-синдикалисты думают заменить капиталистический, и есть Анархический Коммунизм.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

2) Французское рабочее движение и Московский Интернационал. (Окончание).

М. КОРН.

По интернациональному уставу он признает право для других синдикалистических движений применяться к их историческим и экономическим обстоятельствам — и он тре-

бует то же самое право и для себя. Он считает, что если Красный Интернационал не применится к этим различным обстоятельствам, то приговорит сам себя к бездействию и смерти.

Он сгруппирует вокруг себя только часть революционного синдикального движения. Наоборот, если он не затронет основные черты каждого движения, если эти два направления в новом Интернационале будут: с одной стороны, русский синдикализм, а с другой—революционный синдикализм латинских и англосаксонских стран, — он наверное пойдет большими шагами по революционному пути.

Мы предлагаем Интернациональному Комитету Социал-революционных Комитетов, чтобы он обратился к Красному Профессиональному Интернационалу с рекомендацией созвать в скором будущем новый конгресс, на котором принятые резолюции должны быть еще раз пересмотрены; и чтобы он (центральный комитет) предложил конгрессу синдикатов, который должен собраться в Лилле, высказаться за выступление Всеобщей Конференции Труда из Амстердамского Интернационала Профессиональных Союзов, и, в тоже время, отложить вопрос о вступлении в московский Интернационал (проф.) до тех пор, пока этот самый специальный конгресс не состоится.

Мы поэтому категорически заявляем, что это наше решение не вытекает из недоверия к Коммунистическому Интернационалу, и не благодаря ослаблению братских чувств, которые связывают нас с русской революцией, — но исключительно из понимания высших интересов революционного движения всех стран.

Сегодня, как и раньше, мы отвергаем Амстердам, и то, что мы расходимся во взглядах (временно будем надеяться) с Красным Профес. Интерн., не заставит нас найти какие-либо новые достоинства в Амстердамском Интерн., который вырос во время войны из связи синдикатов союзных стран и который органически связал всю свою работу с “Интернациональным Рабочим Бюро” Альберта Тома и Второго Социалистического Интернационала властвующих министров.

Больше, чем когда либо, мы желаем, чтобы наши русские товарищи посетили наш конгресс в Лилле, где мы для общей пользы

обсудим эти два взгляда.”

(Следуют подписи многих участников революционного синдикального движения).

К этому многообещающему заявлению примкнул на завтра и Центральный Комитет революционных синдикальных организаций, который объявил, что он “твердо решил защищать автономию синдикального движения, хотя оно не исключает в единичных случаях совместной работы с активными революционными партиями” — и что он потребует созвать новый Интернациональный Конгресс.

Первым результатом этой декларации было то, что Томази отказался от своей миссии после возвращения из Москвы и, наткнувшись на такое недовольство его товарищей тем, что он подписался под резолюцией, которая была там (в Москве) принята, должен был даже оставить свой пост секретаря союзов Сенского департамента (отдела).

Через несколько дней открылся конгресс синдикатов в Лилле. Об этом я напишу в своем следующем письме.

(Перевод из Ф. А. Ш.)

3) СИНДИКАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС В ЛИЛЛЕ.

Письмо из Парижа.

От Конгресса Всеобщей Конференции Труда в Лилле ожидали очень много. “Большинство” синдикального движения надеялось на более крайнее “меньшинство” и на ликвидацию его растущей оппозиции, которая в последнее время выразилась в создании внутри общей синдикальной организации отдельных “ядер”, объединенных в “Социально-революционные Комитеты” и сочувствующих Московскому Интернационалу. Против этих “ядер” даже были приняты одним съездом руководителей Всеобщей Конференции некоторые меры: было объявлено, что синдикаты, приставшие к “Соц.-рев. Комитетам” будут считаться исключенными из движения. Но это “исключение”

осталось совершенно платоническим: оппозиционное движение слишком уже сильно, чтобы его можно было уничтожить одним росчерком пера.

“Меньшинство” надеялось, с своей стороны, одержать победу над теперешними руководителями Конференции, взять управление ею в свои руки, провести на конгрессе выход из Амстердамского Интернационала и присоединение к Московскому. Последнее впрочем, в самый канун конгресса, стало невозможным в той форме по крайней мере, в какой предполагалось раньше: Московская резолюция о подчинении синдикального движения коммунистической партии и протест против этой резолюции французских революционных синдикалистов — изменили положение.

Было решено требовать пока только выхода из Амстердамского Интернационала, в ожидании пока новые переговоры с Москвой решат остальное. Но такая позиция — единственно возможная — ослабила “меньшинство.” “Вот видите, — говорили им, — ваши москвичи: напрасно вы уверяли нас, что они разделяют точку зрения французского револ. синдикализма; они сами показали теперь свои захватные претензии.” А так как захвата со стороны политических партий французские рабочие организации пуще всего боятся, то понятно каким удобным аргументом в руках “большинства” послужила московская революция. Она заранее сделала победу революционных синдикалистов на конгрессе невозможной.

Большевики сейчас же почувствовали это и в первый же день конгресса здесь была получена успокоительная телеграмма от Центрального Совета Московского Синдикального Интернационала, где говорилось, что московский конгресс “никогда не думал ни урезать автономии синдикальных организаций различных стран, ни подчинить один Интернационал другому”. Но характерно, что эта телеграмма не произвела никакого действия и не сыграла никакой роли в ходе прений: ни “большинство,” ни “меньшинство” не придало

ей значения. Вопрос о присоединении к Московскому Интернационалу все равно остался снятым с очереди.

Смысл конгресса сосредоточился в полемике вокруг этого направления, которое приняла за последние годы деятельность Всеобщей Конфедерации Труда. Оппозиция, главным образом в лице (Monatte), редактора газеты “Vie Ouvriere” (Рабочая Жизнь), нападала, в особенности, на ту политику соглашения классов, которая привела к участию в Вашингтонском конгрессе и в Женевском Интернациональном Бюро. Против Амстердамского Интернационала оппозиция выставляет два упрека: 1) то, что он возник из объединения, во время войны, центральных бюро рабочих организаций стран союзников только, что придало ему известный националистический оттенок; 2) то, что он принял реформистский характер и сблизился на этом пути с буржуазно-правительственным Интернациональным Бюро, (Из этих двух упреков нужно сказать, что основателем только второй; что касается первого то во Франции, по крайней мере, националистических настроений не осталось и следа).

В защиту принятой ими политики, руководители Всеобщей Конференции выставляют главным образом достигнутые результаты (особенно 8-ми часовый рабочий день и его интернационализация) и необходимость ежедневной практической работы в целях улучшения положения рабочих, но нужно сказать, что их представитель Жуо далеко не провозглашает себя реформистом. Наоборот, он старается доказать, что тогда как его противники — революционеры на словах, работа его самого и его сотоварищей оказывает революции истинную услугу. “Такой реформизм, как наш, т. е. достижение непосредственных результатов,” говорит он, “никогда не отрицался революционным синдикализмом.” Что касается Амстердамского И—ла, то, по его мнению, он не только не подчиняется Интернациональному Бюро

Труда, но наоборот, сам оказывает на него давление; оттого то так и нападают на Бюро Труда настоящие буржуа и всякого рода предпринимательские организации.

В результате этих дебатов, вполне удовлетворительной не осталась ни одна сторона. Революционная оппозиция осталась в меньшинстве; прошлая деятельность Конференции была одобрена большинством 1556 голосов против 1348 (208 голосов большинства), а выход из Амстердамского Интернационала отвергнут приблизительно таким же большинством (1572 и 1325 голосов). Формально, теперешние руководители Всеобщей Конференции победили, и нужно сказать, что этим они обязаны, главным образом, тому, что их противники слишком опирались на Москву. Будь

они в своей оппозиции более независимы, не связки они своих судеб с Московским Интернационалом — они, вероятно, одержали бы верх, так как недовольство руководителями в работе кругом очень сильно. На этот раз это им не удалось, но нужно сказать, что, все-таки, число поданных за них голосов по сравнению с предыдущим конгрессом (в Орлеане) значительно усилилось, так что считать себя вполне побежденными у них нет основания.

В итоге Лилльского конгресса — обе стороны остаются на своих позициях. Но социальный и психологический ход вещей неизбежно ведет к тому, что в ближайшем будущем весы склонятся на сторону оппозиции.

МЕКСИКАНСКАЯ БОРЬБА.

(Перевод из "F. S.")

Между многими вещами, которые подразумеваются под мексиканской революцией, в ее десятилетней борьбе, выделяются две фазы, (видоизменения) которые доставляют добрые познания ученикам общественной войны. Одна из них — это бесстыдное выставление измены шайлоками и торгашами во имя свободы. Вторая — это урок изученный рабочими и революционная тактика проявления отсюда.

Каждый шарлатан, от Мадеро и вплоть до Обрегона, выехали к власти на спинах рабочих масс по обещанию, что когда они будут у руля правления, то земля будет рабочим. А как это всегда получалось?

Мадеро сделался идолом крестьян будучи первым клоуном давшим им свое обещание. Первое что он сделал после своего водворения у власти это послал армию выгонять пеонов, (землеробов) с земли, которую они получили ценой огня и крови. Когда же они сопротивлялись то их расстреливали массами, не щадя женщин, детей и стариков, а их деревни были сжжены до тла.

Тогда герой сказал голым и голодным

землеробам, что они были бедны, потому что не сэкономили своих денег!

Каранза сильно напирал за рекрутами для того, чтобы побить своего страшного врага, Панчо Виллу, и превзошел во многом, Мадеро. Он не только обещал землю крестьянам, но видя ценность в индустриальных рабочих, послал, повсюду, армию агитаторов проповедуя от социализма до анархизма и. провозглашая, что с того дня началась Социальная Революция. Он организовал красные батальоны десятками, которые будучи воодушевленными его военными воплями и обещаниями, дрались как тигры и посадили Каранзу на трон.

Он начал раздавать землю, только между своими политическими любимчиками и лакеями в мундирах. Все гапцинды (большие поместья) ушли к ним а для крестьян остались шаблонные обещания земли. Он повторил пример Мадеро уничтожая и выгоняя их с обещанных им мест, за которые они истекали кровью до бела.

Но Каранза, снова, во многом превзошел Мадеро. Когда рабочие в Мексико Сити воз-

вратились "победителями" с фронта, собирать плоды своей крови, они объявили генеральную забастовку, чтобы заставить корпорации платить им достаточно для поддержки своих семейств от голода. Город был стиснут и Каранза освирепел. Он услышал свой хозяйский голос и не только послал милицию расстреливать рабочих, но издал декрет смертельного наказания не только для вожаков забастовки, а также для всех активно симпатизирующие ей. Несколько было казнено и десятки арестованных и избитых. В то время появился Обрегон, и после отсылки Каранзы по заслугам, он нашел, что нужно еще больше делать обещаний рабочим, так как они стали гораздо умнее получив столько опыта. После того как его затеи были успешны, он провозгласил всеобщую амнистию, заявляя, что все сосланные, без различия их происхождения, могут возвратиться в Мексику. Действительно, были открыты двери для всех тех, которые не могли пропагандировать свои доктрины где бы то не было и, ясно было сказано, что никакое открытое восстание не будет запрещаться или наказываться. А что последовало все известно. Тысячи людей бежали из С. Ш. в Мексику, чтобы избавиться от рекрутчины, много других, чтобы избавиться политического преследования. Обрегон алчет признания Вол стритом (цена громадная). Он не имеет денег, но имеет богатство общественных повстанцев, которые были занозой в его теле, а в то же время, они были хорошим легальным предложением на американском аукционном блоке. И так Обрегон выслал первый взнос человеческой кровью, и вместо тридцати серебряников, он хочет свое долларовое признание за повстанцев, которых он посылает в ожидающую пасть американской "демократии", между тем, как в Мексико он основал царство террора, который заставил бы Вильсона и Пальмера позеленеть от зависти.

Тем не менее, Обрегону придется круто в исполнении приказов его северных хозяев, потому что мексиканские рабочие получили действительное пробуждение и стараются использовать его. Усталые от бесконечного обмана по

литических мошенников, несколько месяцев тому назад, рабочие—массами заняли национальный "капитол" в Мексико Сити и сметя в сторону всех сторожей, говорили зажигательные речи с балконов для собравшегося на улицах народа. Они заявили, что настало время для рабочих сбросить всех паразитов и завладеть всеми средствами производства, а если им не удастся этого сделать мирным путем, то есть достаточно ружей и динамита для того, чтобы это сделать.

Власти не дерзнули их тронуть, когда они предлагали взорвать всю завравшуюся капиталистическую печать. Последнее первое мая, рабочие всех крупных городов Мексики остановили все работы для того, чтобы отпраздновать этот день в настоящем рабочем духе. В Мексико Сити они завладели величайшим кафедральным собором и вывесили на его колокольне красный и черный флаги. Были пущены в ход фабричные и локомотивные свистки, что бы отметить важность этого дня. Парады, радикальные речи и веселые крики за анархию и советскую Россию, были главными чертами торжества. Около двух месяцев тому назад, рабочие в Мексико Сити, снова устали слушать пустую болтовню политиканов, вошли в Палату Депутатов с красным и черным флагами и развевая их с кафедры, они пошли изгонять заседающих там падальщиков, говоря им,—что они являются кучей бесполезных паразитов, ничего не делающих — кроме обманывания рабочих и что в них никто не нуждается, потому что пролетариат сам может руководить своими делами. Они никем не были тронуты. Обрегон видя все это, и не выдерживая напора со стороны своих хозяев, сделался ужасным и решил положить конец всему этому железным каблуком. Он выпустил декрет, применяя закон "демократии" к "ничтожной черни", чтобы они знали благодетельное хорошей рабочей власти. (В виду ограниченности места, мы печатаем только некоторые выдержки из "милостивого" декрета).

... "Раз и навсегда граждане президент республики решили выяснить, во всем блеске, каково отношение федеративного исполнения

власти к вопросу последних событий (вышесказанное).

ляет, что верховная власть пребывает существенно и первоначально в народе, который управляет ее посредством союза и штатов, в сфере их поочередной юрисдикции...

...»Это значит, что народ хотя и самовластен, но конституционно не способен к самоуправлению (и посредственно правительства управляет) так как это было бы равносильно провозглашению анархии, а наша конституция

не анархическая...

...»Народ может свободно избирать своих правителей посредством всеобщего голосования, но он не уполномочен управлять собой, ни же вмешиваться в функции правительства, (зятием мест публичной власти,) принуждать его делать постановления в определенном смысле. Ни в какой демократии мира, ни в какой цивилизованной стране—такое вмешательство не допускается...

(Окончание в следующем номере).

ВОЗВРАЩЕНИЕ. ИСПАНСКИХ РАБОЧИХ КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ МИРА.

БАРСЕЛОНА, 7 ОКТЯБРЯ 1921.

Мы живем под гнетом ужаснейшей тирании. Наша участь весьма трагична. Муки, переносимые нами, превышают всякое представление. Испанская буржуазия, атакованная пролетариатом, находилась в критическом положении и предвидя час расплаты, передала всю власть в руки военной касты. Наши организации совершенно разгромлены. Наши лучшие и сильнейшие товарищи арестованы, депортированы или предательски убиты. Банды наемных убийц, под предводительством офицеров в точности исполняют переданные им поручения и не проходит и дня, что бы не был убит этой бандой один из наших товарищей. Преступные проделки этой банды превышают все ужасы. Вначале удовлетворялись милитаристы заключением в тюрьму, но как только последние были переполнены, то перешли к ссылкам.

По двадцать — тридцать человек, связанных один к другому за руки, водят несчастных товарищей от одной тюрьмы до другой по 40 километров в день. На всех улицах Испании можно встретить подобные караваны несчастных, проходящих от тюрьмы до тюрьмы. Кроме ужасов голода они должны переносить еще побои и издевательства побоев.

Как только палачи убедились, что всего этого не достаточно, чтобы преодолеть революционный дух, они стали прибегать к предательскому убийству. Сотнями пали наши братья с расщепленными черепами от пуль реакционеров, полагавших через посредство убийств внести в ряды борцов за свободу страх и смятение и тем самым положить конец рабочему движению. Но это ужасное наступление вызвало лишь новый порыв еще не убитых. Но зверства все еще продолжают. Революция больше не удовлетворяет. Необходимо было прибегнуть к чему то чертовскому. Решено было мученикам

переломить кости, из тела куски мяса повывернуть и тесками черепа раздваивать. С величайшим хладнокровием были произведены эти издевательства над человеческой личностью. Многих из наших товарищей мы нашли мертвыми на улицах с разбитой головой с погасшими глазами и с вырванными половыми органами. Других же освобождали из тюрьмы, чтобы на недалеком расстоянии предательски убить.

Чтобы симулировать естественную смерть стали прибегать к подкожному впрыскиванию яда. Ужасы, творимые в застенках во многом превышают времена Торквемады.

....Наши страдания не находят больше в Испании отзвука. Буржуазия победно ухмыляется в уверенности навсегда покончив с революционным движением страны. Из среды интеллигенции не нашлось ни одного человека который крикнул бы словами Толстого: "Не могу молчать"! Спокойно смотрят они на избиения рабочих. Братья Европы, товарищи всего мира! Помогите нам! Нас зверски избивают. Нас хотят совершенно уничтожить. Мы имеем полное право рассчитывать на вас. Вы должны нам помочь. Мы имеем право надеяться, что вы не допустите перебить целый легион товарищей, способных на все, только не подчинению тиранам. Примите же наш вопль отчаяния.

Мы взываем к вам: не дайте, чтобы нас поголовно всех перебили. Помогите нам!

ВСЕОБЩАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ РАБОЧИХ ИСПАНИИ.

Подпись.....

ОТ РЕД. КОЛЛ. Товарищи Германии прислали нам эту резолюцию. Она говорит сама за себя! Нужна помощь! —Помогите! Просим все анархические и другие рабочие органы перепечатать ее и пролить более света на ужасы и безобразия творящиеся над нашими товарищами и братьями в Испании.

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ

Товарищи! Обратите внимание на отчет, который ясно указывает недостаток средств на издание нашего федеративного органа "Волна". Кроме того, 4 А. К. Съездом нам было наказано приступить к немедленному изданию "Манифеста Протеста против Большевицкого правительства," средств же на его издание не имеется. Поспешите с присылкой выручки от продажи "Волны," добровольных пожертвований, средств на издание "Протеста", на раз'ездного агитатора и лектора и т. п. Не

РЕД. КОЛЛ.

задерживайте!

На отчету в 23-м номере общая сумма на руках у Кассира, Ред. Колл. была 887. 58 но так как сумма прихода из Балтимор в 43.20 была записана в приход два раза в кассе должно быть 887.58 без 43.20— 844.38

Приход:

" За "В." из Д—та	83.50
" Из Южной Америки	5.00
" Рокер в фонд "В"	17.00
" Аргентина за "В"	16.10
" От тов. Кет—к за "В"	5.00
" От тов. Фрид. и за "В"	1.50
" Интер — л Фале за "В"	1.75
" Из Бо — на за К. А.	4.65
" За С. Об.	8.25
" Ф — ля за "В."	15.00
" Из Лондона Ка-на "В."	1.00
" Рокер за литер.	33.00
" Гард за "В."	5.35
" " литературу	10.00
" Из Б — на за литер.	5.00
" От р — го секретаря Н. И. за лит.	40.37
" Из Ч — го за лит.	30.85
	283.32
Остаток с 1-го ноября	— 844.38

Всего — 1127.70

Расход:

" Набор № 23	100.00
" Печатание и бумага № 23	100.00
" Почтовые расходы по "В"	5.35
" Посылка за границу	5.75
" Рассылка "В."	5.00
" Писменные принадлежности	1.00
" Взаимообразно на "В. Г."	10.00
" Выдано взаимобразных за "К. Ан"	50.00
" Выдано взаимобразно В. Г.	20.00
" Помещение Ред. Колл.	6.00
Итого общий расход	303.10
По расписке за ст. секр. —	110.50
" " за тов. Ал. С.	30.00

Всего расходу 443.60

Всего приходу: 1127.70

" "Расходу 443.60

Из этой суммы на дел. 545.50

Остается на ведение федеральной раб. 138.60

ОТЧЕТ РЕВИЗ. КОМИССИИ СЪЕЗДА.

По подсчету ревизионной комиссии общий приход за период с 13-го августа по 1-ое декабря выразился в сумме. 1847.21

Общий расход 1724.21

В кассе на 1-ое декабря 122.92

На делегата до 1-го декабря поступили суммы 35.82

291.74

218.00

Всего. 545.50

ПРИМЕЧАНИЕ: РЕВ. КОМ. Ред. Колл. Сумма расходов старого секретаря в 15.68 ревиз. ком. съезда была дважды занесена в расход, поэтому остаток на 1-ое декабря будет не 122.92; а 138. 60.

Ревизионная Комиссия: П. С.

Я. Ж.

В. Д.